

DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.50

УДК 339.5(984+985)

ББК 65.5(41+21)

А.П. ЯРКОВ

ЕВРОПЕЙСКО-РОССИЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ КОНТАКТЫ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ

В Арктической зоне Евразии менее интенсивно, чем в других регионах Ойкумена проходил диалог культур и цивилизаций. Анализируются причины интереса и факторы расширения знаний со времен средневековья до Нового времени.

Ключевые слова: Северная Евразия, торговые и культурные контакты.

A.P. IARKOV

EUROPEAN- RUSSIAN TRADE CONTACTS IN THE ARCTIC ZONE

In the Arctic zone of Eurasia, the dialogue of cultures and civilizations was less intensive than in other regions of the ecumene. The reasons for interest and factors of expanding knowledge from the Middle Ages to the New Age are analyzed.

Keywords: Northern Eurasia, trade and cultural contacts.

В истории многих регионов российской Арктики долгое время был «избыток белых пятен». Не случайно на карте мира (1600) М. Кваден на территории крайнего северо-востока Евразии разместил Tartat и Mongol. Очевидно, это являлось отражением большинства мифов о «крае мира» и его жителях.

Для русских людей (включая поморов) и саамов «Дышащее» (Студеное / Северное) море было «своим» и поэтому тайн содержало меньше. Да и Баренцево море именовалось «в оригинале» Русским. Осваивали его прибрежные территории оленеводы и рыбаки из числа аборигенов. Для русских поморов Арктика – привычная среда обитания, а Ледовитый океан – традиционная промысловая зона, проходима за один сезон кочами до Новой Земли (Матицы) и Шпицбергена (Груманта).

Далее на восток дороги оставались закрытыми, хотя интерес был стойким. И в основе он определялся экономическими факторами: пушным мехом, шкурами, костью, возможными путями в Индию и Китай и др. Контактными выступали жившие на пограничье культур, состоявшие на службе иностранцы, купцы и невольные странники.

По мнению археолога Н.В. Федоровой, наибольшее число выявлен-

ных на территории Среднего и Нижнего Приобья металлических изделий произведено в VIII–XI вв. в Европе, на Руси, Среднем Востоке и в Волжской Булгарии, свидетельствуя о относительно хорошем уровне товарообмена [1, с. 27]. Угры (ханты, манси, коми) и самодийцы (ненцы) свободно кочевали по обе стороны Уральских гор, на востоке доходя до Енисея, вступая в экономические контакты с жителями и приезжими купцами.

Среди состоявших на службе германоязычных иностранцев в Новгородской летописи упомянут местный воевода Улеб (Ульф) Рагнвальдсон. Он якобы еще в 1032 г. прошел Карские (описанные как «Железные») ворота и побывал во главе отряда новгородцев в Югре [2]. Неизвестно о наличии «торговых людей» в отряде, но интерес в ясаке, обмене и торговле очевиден.

О том, что существует водный путь на Север, сказано в «Повести временных лет» и «Почуениях Владимира Мономаха». Там зафиксированы сведения 1118 г. от новгородского посадника Гюрата Роговича (Юря Таговича). Тот организовывал «сбор дани Великому Новгороду с людей на Печоре». Считается, что отряд прошел далее к востоку [от Северного Урала] и обнаружил «землю [страну] Югорскую». До 1470-е гг. территория являлась колониальным владением Новгородской республики.

В 1210 г. в норвежской летописи упомянут «город Кола» (Кольский погост), что вблизи современного Мурманска. В норвежских и исландских сагах поведано о жизни там русских и «русских» (к ним отнесем представителей различных этносов неславянского, но отечественного происхождения). В 1347 г. упоминается в источниках «Дышащее море», вновь пройденное новгородцами [3]. Известно, что в их отрядах были «литва» и «немцы» (это не этнонимы, а соционимы). Многие из потомков позже стали считать себя российскими немцами.

В сочинении арабского автора аль-Омари «Пути взоров отражается по государствам разных стран» (XIV в.), отмечено: «Купцы наших стран не забираются дальше города Булгара; купцы Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера». Очевидно, Йура (югорские земли) – большой регион, включавший территории по обе стороны Среднего и Северного Урала.

Пространство, скованное льдом, европейцы именовали Oceanus Septentrionalis, Oceanus Scythicus, Oceanus Tartaricus, Mare Glaciale. Побывавший в Северной Азии (предположительно, в 1412/1413 гг.) баварский солдат Иоганн Шильтбергер называл территорию в соответствии со сложившейся европейской традицией не только Wissibur, но и Grossenn Thartharia.

Интерес иностранцев «прозрачен» – меховые сокровища Московского царства и Северной Азии (Тартарии). Многих не пугали льды, морозы,

зимовки. Ранее эта цель была достижима через сухопутные трассы Мехового пути. Для натурального обмена с жителями привозились изделия разного происхождения. Появлялись, как результат, и местные реплики художественного импорта. Об этом – Барсовой горы (около современного Сургута) археологический комплекс и предметы с религиозной символикой, найденные на капищах, где проходили шаманские камлания. Обменный товар – предметы европейского экспорта – появились на берегах Печоры, Оби и Енисея, на стойбищах и в священных местах аборигенов Арктики.

Найти кратчайший морской путь – задача, которая была поставлена правителями разных стран перед мореходами и купцами. Она стала более ощутимой и реализуемой, когда с Русского Севера не эпизодически, а партиями стали поступать в Европу ценнейшие меха, моржовая и мамонтовая кость, ворвань. Так начинался северный диалог, прерываемый взаимными нападениями и вооруженными стычками, а ныне – эмбарго и санкциями.

Представления о арктических широтах у жителей средневековой Европы были иногда фантастичны даже применительно к Скандинавии, не говоря уже о Руси. Ледовитый океан имел «говорящее» наименование «Гиперборейское море» (как расположенный «на самом крайнем севере»). Его обобщенное описание позже (в 1650 г.) дал нидерландский географ немецкого происхождения Бернхард Варениус.

Изустные рассказы вдохновляли не только летописцев, но и новые поколения мореходов, купцов, промышленников. Интерес подогревался политическими целями. От новгородца Дмитрия Герасимова (посла царя Василия Ивановича) в Риме в 1525 г. получены сведения по возможности плавания в Восточную Азию северным морским путем. Тогда же со слов Герасимова составлена Батистой Аньезе карта Московии с указанием части «северо-восточного прохода» [4, с. 203]. Через 30 лет английский мореплаватель Стевен Барроу получил от русского по фамилии Лошак какую-то информацию о Новой Земле и морской дороге к Оби.

Трудности плавания в северных широтах были очевидны. И все же иностранцы стремились заполучить утаиваемое правителями Руси.

И прежде всего, информация о торговом потенциале и дорогах. Иногда это удавалось. Пример тому – сведения и карта из «*Regum Moskovitarum commentarii...*» (известны как «Записки о Московитских делах») Сигизмунда Герберштейна, собранные им в Москве, а изданные в Вене в 1549 г. Там, в частности, упомянут датский посланник Давид, прошедший вместе с Григорием Истомой Белым морем в Дронтгейн в 1496 г. Впрочем, иногда информация Герберштейна недостоверна, например, касающаяся озера Китайска, откуда, якобы, берет начало Обь [5].

Данные от русских и «русских», саамов и иностранцев (немцев, голландцев, шотландцев, датчан, норвежцев, англичан, шведов) стали систематизироваться. Пример тому – материалы «*Novocomensis de Legatione Basillii Magni Principis Moscoviae ad Glementem VII*» («Книга о посольстве Василия Великого Государя Московского к папе Клементу VII») Паоло Джовио.

Предположительно, опираясь на эти данные, англичанин Роберт Торн в 1527 г. предложил французскому королю Генриху VIII снарядить экспедицию, огибающую «Тартарию, Китай, Малакку и Ост-Индию». Цель очевидна, хотя идея фантастична и по тем временам не воплощаема. Но она уже овладела умами... Если изображение Кольского полуострова на «*Carta Marina*» шведского епископа Олафа Магнуса 1539 г. являлось относительно точным, то Гастальди условно обозначил *Stretto di Arian*. «Разместил» итальянский картограф его на месте Берингова пролива. В этом же контексте создана в 1569 г. Герардом Меркатором первая карта Северного полюса (опубликована Хендриком Хондиусом в 1606 г.), где обозначено (схематично) северное побережье Сибири [6, с. 5].

В стремлении к познанию Востока стала выделяться та часть европейцев (включая коммерсантов), что разделяла концепцию соотношения божественного провидения и человеческого устремления Мартина Лютера. В желании «построить рай не только на небесах» протестанты находили оправдание своим поступкам, как и в движении «навстречу солнцу».

Идеологическое обоснование экономическим притязаниям – важная мотивация. Вступив в незримое состязание с другими протестантами – голландцами, в 1555 г. в Лондоне англичане создали «*Merehants adven*». Таким путем, полагали иностранцы, быстрее можно попасть в Китай, выстроив прямой, без посредников, обмен товарами, технологиями, идеями.

В 1578 г. агент этого торгового общества в Москве Фрэнсис Черри написал: «Со слов русских, за Обью находится теплое море» [7, с. 5].

В 1581 г. другой английский агент – Марш узнал о плавании русских «через Новую Землю и Матюшин шар на Обь», подогревая интерес ряда соотечественников-коммерсантов. Заметим, что годом раньше (экспедиция Артура Пета и Чарльза Джекмана) англичане уже прошли до острова Вайгач. Гибель членов экипажа и корабля «Вильям» Джекмана не остудила желания иностранцев добраться до глубин Арктики. Преуспели же в этом голландские моряки, пришедшие в 1594 г. к Новой Земле, но «упершиеся» во льды. Вернувшись домой, один из участников экспедиции Виллема Баренца сообщил, что русские ежегодно плавают с товарами через Югорский Шар мимо Оби на Енисей.

Это вдохновило европейских капитанов и торговых представителей все же попытаться отыскать водный путь на восток, обойдя коварные

льды, используя «благоприятное время» года. Говорит о вновь пробудившемся интересе карта Абрахама Ортелиа «Татария или Царство Великого Хана» 1598 г., хотя в части Западной Сибири геополитически она уже устарела – территория уже оказалась подчинена Москве.

Многие карты интересны картушами. Так, на «*Taula Terrae Novae Zemblaë*» 1601 г. условно отображена Новая Земля, но весьма реалистично – суда, рыбы и даже морские животные, показав таким приемом товарный потенциал.

К тому времени русские и «русские» уже прошли сухопутным фронтиром до берегов Карского моря, осваивая природные ресурсы Севера. Не всегда мирными методами, но они приводили к подданству (шерти) аборигенное население, беря ясак (налог) мехами, ставшими дорогим, но ходовым товаром на мировом рынке. В 1601 г. возник крупный (по тем временам и по арктическим масштабам) и единственный в Сибири порт Мангазея. Туда устремился взор иностранных купцов, стремившихся расширить товарный рынок. А в гарнизоне «Златокипящей Мангазеи» имелась «немцы» и «литва» из служилых, которые могли стать коммуникаторами-толмачами [8, с. 56].

Кстати сказать, имевшие какую-либо подготовку иностранцы по происхождению привлекались в экспедицию Ивана Коковки 1621 г., ушедшую из Мангазею на восток – к Енисею, Индигирке, Лене. Особенности фарватера северных морей, куда все чаще приходили суда из Европы, уже знали капитаны. Этой цели служили путевые описания и лоции, положенные в основу карт Исаака Мааса 1603 г. и Хасселя Герритца 1613 г. Но в отношении трассы к Оби и Енисею сведений у иностранцев было очень мало.

Привезенные меха и кость, как и мифы о «Златокипящей Мангазее», увлекли европейцев. В 1614 г. с верительными грамотами от английского короля Якова в Москву прибыл Джон Мерик. Он был заинтересован в «вольной торговле» по Оби вплоть до Китая. Ответ на его просьбу был уклончив: «Сибирь далеко. До первых городов полгода пути. И то – зимой только... А откуда Обь-река вышла и куда вошла, того и сами туземцы не ведают. Сторона сибирская очень студеная. Больше двух месяцев тепло не живет в Сибири. А на Оби круглый год лед ходит – никакими судами пройти нельзя и пробовать нечего... Да и Китайское государство невелико и небогато... Добиваться вам к нему нечего...» [9, с. 728].

Протестантскому напору противостояло русское «как бы чего не вышло». Осознавая опасность от возможной военно-политической и экономической конкуренции, в 1619 г. в Москве издали указ о запрещении «Мангазейского морского хода» вплоть до Енисея. Ослушникам грозило «быть казненными злыми смертями и дома разорите до основания». На «горло» арктической торговли с европейцами наступила царская власть.

Отныне данные о побережье Карского моря, фарватере Оби и Енисея стали секретными. И даже если иностранцы по происхождению привлекались к экспедициям вглубь Сибири, строительству новых крепостей, прокладке к ним водных путей, то со служивших российской короне брали обязательства по сохранению тайны. Этими же причинами могут объясняться и данные отчета Семена Дежнева о проходе через Берингов пролив в 1648 г.

Рискуя имуществом и жизнью, члены «Датской Северной Компании» в 1653 г. прошли водным путем до Пустозерска. Затем «по суху» они двинулись на Обь «к Папингороду» (очевидно, Ляпин-городку).

Конечно, Ледовитый океан рассматривался иностранцами не только применительно к побережью Северной Азии – известна «Nova et Accurata Poli Arctici et terrarum Circum Jacentium Descriptio» Яна Янссона 1640 г. Она основана на данных мореходов Баренца, Баффина, Фробишера, Халла и других [10, с. 3]. В отношении фарватера и побережья Белого моря (Mare Album) ситуация для иностранцев была знакомой. Да и московские власти поддерживали интерес к Архангельску торговыми и налоговыми преференциями.

Голландская карта Заполярья 1641 г. «Regina Sub Polo Artico» лишь приблизительно описала конфигурацию берегов Ледовитого океана. Карта и не могла (по своему объему) стать лоцией северных морей и впадающих в них рек, но попытка оказалась важной. Более точна оказалась карта 1670 г., изобразившая Лапландский берег от Варзуги до Кандалакши и Карельский берег. Лишь в 1746 г. отчет о карте был обнаружен в архиве якутской приказной избы Герардом Фридрихом Миллером.

«Попутно» (или преднамеренно?) зафиксирована конфигурация берегов Белого моря в карте 1667 г. под именованием «Svecia, Dania et Norvegia». Петр I увидел в северных морях стратегический ресурс России. Царь сам участвовал в 1693 г. в Архангельске в закладке «новоманерного» корабля «Апостол Павел», способного выходить к кромке льдов.

Владея немецким и голландским языками, ознакомившись с обзорами и подборками карт, Петр I дал старт отечественной «ветви» арктических исследований, предполагая раскрыть и экономический потенциал побережья.

С одобрения царя, изучив «варяжские книги», тоболяк Семен Ремезов в 1697 г. составил первый географический атлас Сибири – «Хорографическую чертежную карту». Там был дан рисунок побережья Ледовитого и Тихого (Восточного) океанов, сделанный автором на основе собранных (но до конца не проверенных) сведений. Они должны были быть проверены купцами и промышленниками (охотниками - промысловиками).

Голландские картографы, отвечая на запросы заинтересованных соплеменников, составили в 1700 г. относительно подробную карту Белого моря. Опирались они и на ту информацию, что собирал бургомистр Амстердама Николаус Вит(э)сен. Благодаря обучению в Европе и практическому обучению укреплялась в знаниях и рождающаяся школа отечественных мореходов и картографов, решая поставленные царем задачи. В 1710-х гг. появилась «Размерная карта начинающаяся от ускаго проходу между Руского и Белого моря». В первую очередь она должна была помочь в проводке торговых судов и обеспечивающих их военных кораблей.

Исключение в исследовании и описание морских и речных путей делалось для состоявших на службе Российского государства европейцев. Те давали обещание «не разглашать тайны». Среди тех, кого обязывали вести с 1720-х гг. рекогносцировку всех водных путей и прибрежных земель, оказались капитаны Деопер, Витус Беринг, Матвей Шпанберг.

Особо заметим, что утвержденная Петром I инструкция 1724 г. дала установку участникам Камчатской экспедиции: описать берега и зафиксировать в лоциях то, что должны были проверить последующие экспедиции, в состав которых вошли как уроженцы Западной Европы, так и «природные» россияне. Проложенные ими дороги должны были быть наполнены экономическими «интересами».

Среди принявших подданство России было немало германоязычных офицеров и ученых. Морские отряды Великой Северной экспедиции отправились из «столицы Сибири» – Тобольска речными путями к Ледовитому океану. Многие из сопровождавших промысловиков были неграмотны, но они смогли провести суда, опираясь на устные предания и собственные познания о фарватере.

По-прежнему стремились пройти морскими дорогами на восток иностранцы – в 1728 г. мезенские кормщики обнаружили голландских китобоев у Новой Земли. Очевидно, у голландцев существовали морские лоции и описания природных ресурсов, важные и для подлинных хозяев этого пространства – россиян. Естественно, информация об иностранцах-браконьерах и контрабандистов, так далеко забравшихся на восток, вызвала недовольство в Петербурге.

Исходя из геополитических и торгово-экономических интересов в 1746 г. было завершено составление «Карты генеральной Российской империи северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам, с частью вновь найденных через морское плавание западных американских и острова Япона» [10, с. 79].

Многое из собранного трудами мореходов и картографов обобщил в 1763 г. Михаил Ломоносов в «Кратком описании разных путешествий по Северным морям и показаниям возможного проходу Сибирским океаном

в Восточную Индию». Хоть и опубликовано сочинение Ломоносова лишь в 1847 г., оно помогло империи определиться в морских пределах на севере и на востоке, которое стало активно осваиваться, в том числе российскими немцами – исследователями.

Так было положено начало Северному морскому пути, ставшему оживленной транспортно-экономической магистралью и одним из многих тропинок «диалога культур и цивилизаций», а принявшие подданство России уроженцы Европы стали гордостью и славой нового Отечества.

Список использованной литературы и источников

1. Федорова Н. В. Художественный металл средневекового Востока на севере Западной Сибири / Н. В. Федорова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 3, вып. 2. – С. 16-34.
2. Гиппиус А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства / А. А. Гиппиус // Slavica Helsingiensia. – 2006. – № 27. – С. 93–108.
3. Полное собрание русских летописей. – Т. VI. – Санкт-Петербург, 1841. – 358 с.
4. Славянская энциклопедия. XVII век [в 2 т.]. Т. 2 / авт.-сост. В. В. Богуславский. – Москва : Олма-Пресс, 2004. – 783 с.
5. Герберштейн С. Записки о Московии: [в 2 т.] / С. Герберштейн. – Т. 2 / под ред. А. Л. Хорошкевич. – Москва : Памятники исторической мысли, 2008. – 776 с.
6. Карта Гипербореи // Путешествие в Каракумы. – URL: <http://www.karakumi.ru/mapgiperborea.htm> (дата обращения: 20.05.2019).
7. Берг Л. С. Открытия русских в Тихом океане / Л. С. Берг // Тихий океан: Русские научные исследования. – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1949. – 456 с.
8. Александров В. А. Русское население Сибири нач. XVII – нач. XVIII вв. (Енисейский край) / В. А. Александров. – Москва : Наука, 1964. – 303 с.
9. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. / М. П. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 2006. – 504 с.
10. Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века / М. И. Белов // История открытия и освоения Северного морского пути. – Т. 1. – Москва : Морской транспорт, 1956. – 596 с.

Информация об авторе

Ярков Александр Павлович – доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6, e-mail: ayarkov@rambler.ru.

Author

Alexander P. Yarkov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Tyumen State University, 625003, Tyumen, st. Volodarsky, 6, e-mail: ayarkov@rambler.ru